

Научная статья

УДК 347.77; 347.78

DOI: [https://doi.org/ 10.68333/2949-284X.2026.95.98.007](https://doi.org/10.68333/2949-284X.2026.95.98.007)

## **Охрана программы для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности: постановка научной проблемы**

**Вадим Алексеевич Чернояров,**

Российская государственная академия

интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Аспирант

[riddle\\_v@list.ru](mailto:riddle_v@list.ru)

<https://orcid.org/0009-0001-3188-5441>

**Аннотация.** Статья посвящена научной постановке проблемы охраны программ для ЭВМ в условиях трансформации нормативного регулирования, происходившей в 2024–2025 гг. Проанализированы изменения требований к документам заявки, внесенные Приказом Минэкономразвития России № 107 в редакции марта 2024 г., а также положения проекта Федерального закона № 922784-8, направленного на дополнение части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации категориями программируемого средства и программируемого устройства. На основе анализа выявлена необходимость разработки гибридного режима правовой охраны, позволяющего рассматривать алгоритмические решения как технические и обеспечивающего устойчивую правовую охрану технологий как текущего, так и будущего поколений.

**Ключевые слова:** программа для ЭВМ; алгоритм; программируемое средство; технический результат; информационные технологии; интеллектуальная собственность.

**Для цитирования:** Чернояров В.А. Охрана программ для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности: постановка научной проблемы // IP: теория и практика. – 2026. – № 3.

Original article

**Protection of computer programs as a result of intellectual activity: setting a scientific problem**

**Vadim A. Chernoyarov,**  
Russian State Academy  
of Intellectual Property, Moscow, Russia  
Postgraduate student  
riddle\_v@list.ru  
<https://orcid.org/0009-0001-3188-5441>

**Abstract.** The article addresses the scientific formulation of the problem of protecting computer programs in the context of the transformation of regulatory frameworks occurring in 2024–2025. The study examines the amendments to the application documentation requirements introduced by Order No. 107 of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation in its March 2024 revision, as well as the provisions of Draft Federal Law No. 922784-8, which proposes supplementing Part Four of the Civil Code of the Russian Federation with the categories of programmable means and programmable devices. Based on the analysis, the article substantiates the need to develop a hybrid legal protection regime that would allow algorithmic solutions to be regarded as technical in nature and ensure stable legal protection for both current and future generations of digital technologies.

**Keywords:** computer program; algorithm; programmable means; technical result; information technologies; intellectual property.

**For citation:** Chernoyarov V.A. Protection of Computer Programs as a Result of Intellectual Activity: Setting a Scientific Problem // IP: Theory and Practice. 2026. No. 3.

## **Введение**

Стремительное развитие цифровых технологий, искусственного интеллекта, распределенных вычислений и автоматизированных систем управления обусловило радикальное расширение сферы применения программ для электронных вычислительных машин. Программное обеспечение перестало быть исключительно инструментом обработки данных: сегодня оно входит в технологический каркас функционирования государственного аппарата, экономических процессов, критически важных объектов инфраструктуры и информационной безопасности. В этих условиях возрастает не только экономическая, но и правовая значимость установления

эффективного режима охраны программ для ЭВМ, позволяющего обеспечивать защиту результатов интеллектуальной деятельности и стимулировать инновационную деятельность разработчиков.

Вместе с тем действующий в отечественном праве режим охраны программы для ЭВМ обусловлен прежде всего международными обязательствами Российской Федерации. Международное право исходит из того, что компьютерные программы подлежат охране в рамках авторского права как литературные произведения: такой подход закреплен в п. 1 ст. 10 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) [1] и статье 4 Договора ВОИС по авторскому праву [2], развивающих модель охраны литературных произведений Бернской конвенции.

Следовательно, пересмотр правового регулирования программ для ЭВМ на национальном уровне возможен не через отказ от сформировавшейся в мировой практике авторско-правовой охраны, а путем выстраивания дополнительного, согласованного с международными правовыми актами режима охраны их функционально-технических характеристик, прежде всего в случаях, когда реализация алгоритма приводит к достижению объективного технического результата.

Однако действующее законодательство Российской Федерации сохраняет модель, сформированную в начале 1990-х гг., когда программы для ЭВМ были приравнены к литературным произведениям и включены в сферу авторско-правовой охраны. Статья 1261 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [3] предусматривает автоматическую охрану исходного текста и объектного кода программы с момента ее создания, но не предусматривает охрану ее функциональных характеристик, связанных с обработкой данных, архитектурой вычислительных процессов, алгоритмическими структурами и иными элементами, имеющими техническую природу. Такая конструкция становится недостаточной в отношении современных программных систем, включая алгоритмы машинного обучения, технологии предиктивного

анализа, интеллектуальные системы принятия решений и высокоуровневые цифровые платформы.

В условиях цифровой трансформации, появления автономных алгоритмов, систем искусственного интеллекта и программируемых сред традиционная модель охраны перестает выполнять регулятивную функцию. Это требует не только обновления законодательства, но и постановки самостоятельной научной проблемы, направленной на переосмысление правового режима программ для ЭВМ как комплексного объекта интеллектуальных прав.

Данное исследование основано на совокупности общенаучных и частнонаучных подходов, позволяющих комплексно оценить состояние правового регулирования в сфере охраны программ для ЭВМ и выявить его структурные особенности. Формально-юридический метод применен для анализа положений части четвертой ГК РФ, подзаконных актов в сфере регистрации объектов патентного права, а также проекта Федерального закона № 922784-8. Данный метод позволил выявить содержание ключевых правовых категорий и определить логику их нормативного взаимодействия.

### **Методы**

Методологическая основа исследования сформирована с учетом комплексной природы программного обеспечения как результата интеллектуальной деятельности, совмещающего юридические, технические и информационные аспекты. Для достижения цели настоящего исследования использован междисциплинарный подход, включающий системный анализ нормативных актов.

Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления прежней редакции требований к документам заявки и новой системы признаков, ориентированной на область информационных технологий. Такой подход позволил установить, в какой мере обновление нормативной базы влияет на возможность патентования алгоритмических решений и на устранение прежних ограничений.

Системный анализ применен для выявления взаимосвязи между нормами подзаконного регулирования и предлагаемыми изменениями в ГК РФ, а также для оценки согласованности понятийного аппарата, предлагаемого законопроектом. Этот метод дал возможность определить структурные пробелы, возникающие при внедрении новых категорий программируемого средства и программируемого устройства.

Целью настоящей статьи является научная постановка проблемы охраны программ для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности в контексте выявленного противоречия между существующими моделями их правовой охраны. Безусловно, техническая направленность программного обеспечения требует адекватной охраны их функционального содержания, такую степень охраны возможно предоставить средствами патентного права [1].

### **Основное исследование**

Одной из ключевых практических проблем при патентовании объектов в сфере информационных технологий остается необходимость включения в техническое решение признаков, которые в существующей модели патентного права квалифицируются как относящиеся к материальному миру. Исторически сложившаяся конструкция российского законодательства основана на классическом понимании технического решения как результата воздействия на материальный объект [2]. В этом контексте программа для ЭВМ не воспринимается как самостоятельная техническая сущность. Алгоритм признается внутренней логикой функционирования программы, но не рассматривается как объект, способный создавать технический эффект без привязки к устройству или способу, предполагающему физическое преобразование.

Дополнения в Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение (далее – Требования к документам заявки), внесенные в 2024 г., формально расширили перечень допустимых признаков, которые могут

быть включены в заявку на изобретение в сфере информационных технологий [3].

В частности, обновленная редакция требований предусматривает возможность описания технического решения через взаимодействие программируемых средств, включая выполнение вычислительно-логических операций, обработку информации, а также осуществление процедур обучения моделей, проводимых по соответствующим алгоритмам.

Однако обновление не устранило необходимости включать в формулу изобретения признаки, подтверждающие технический характер решения. Программируемое средство фактически стало формальной материальной опорой патентования, поэтому привязка алгоритма к устройству или способу по-прежнему остается условием квалификации решения как изобретения.

На практике это приводит к тому, что разработчики решений в сфере искусственного интеллекта, анализа данных и машинного обучения вынуждены описывать алгоритмическую новизну через материальные признаки. В результате формула изобретения искусственно усложняется и не всегда позволяет адекватно отразить сущность решения, поскольку материальная привязка нередко носит формальный, а не функциональный характер.

Примером подобного затруднения является ситуация, когда алгоритм снижает вычислительную погрешность или увеличивает точность классификации информации. Такие эффекты обладают объективной и воспроизводимой природой: если алгоритм функционирует в контексте обработки сигналов, а сигнал, согласно правоприменительной практике, рассматривается как воздействие на материальный мир, то такая обработка потенциально способна рассматриваться как дающая технический эффект. Однако значительная часть современных программных решений работает с данными, не являющимися сигналами, отражающими свойства внешнего материального объекта, и формирует результат исключительно в цифровой среде. В таких случаях достигаемый эффект не сопровождается

преобразованием материального объекта, что лишает его прямого нормативного подтверждения технического характера и, следовательно, затрудняет его патентование.

Дополнения в Требования к документам заявки одновременно расширили возможности описания ИТ-решений и усилили формализацию заявки. Заявителю по-прежнему требуется подробно раскрывать структурные схемы, последовательности операций, работу программируемого средства, а в отдельных случаях – и фрагменты программного кода [3], в том числе тогда, когда такие элементы не являются значительными для достижения технического результата.

Несмотря на предпринятые действия по уточнению Требований к документам заявки в сфере информационных технологий, в научной и нормативной плоскости сохраняется ключевой пробел, который препятствует созданию эффективной модели охраны данных решений. Этот пробел состоит в отсутствии доктринального и нормативного понимания того, что же следует считать техническим результатом применительно к цифровым системам, работа которых представляет собой материальный процесс, реализующий последовательности логических операций. Эти операции сами по себе имеют нематериальную природу, однако их исполнение в рамках функционирующей системы опирается на физические процессы преобразования сигналов. В связи с этим возникает необходимость уточнения критериев, позволяющих отделить технический результат, возникающий вследствие работы такой системы, от результата, имеющего исключительно абстрактный характер.

Согласно действующим подзаконным актам, технический результат связывается с изменениями физического состояния объекта или с воздействием на внешнюю материальную среду. Эта модель была сформирована в период, когда технические решения представляли собой преимущественно механические, электрические или химические конструкции. Развитие цифровых технологий показало, что материальная

основа технического результата сохраняется, но принимает иную форму. В вычислительных системах технический результат достигается не абстрактным алгоритмом самим по себе, а его реализацией на программируемом средстве, т.е. выполнением последовательности логических операций через материальные процессы обработки сигналов. Именно в процессе реализации алгоритма формируется объективный и воспроизводимый эффект, который способен иметь техническую направленность и подлежит оценке в рамках патентного права.

Примером могут служить снижение времени обработки данных, уменьшение вычислительной ошибки, достижение устойчивости функционирования системы, оптимизация маршрутизации, повышение достоверности распознавания информации и пр.

Такие результаты обладают технической природой, поскольку выражаются в объективном изменении параметров функционирования программируемого средства и возникают в процессе материальной обработки сигналов. Вместе с тем действующие Требования к документам заявки не закрепляют цифровые эффекты как самостоятельную разновидность технического результата, что не позволяет однозначно квалифицировать их при рассмотрении заявки. Вследствие этого один и тот же результат может быть признан техническим или нетехническим в зависимости от формулировки признаков и подхода экспертизы, что свидетельствует о недостаточной адаптированности нормативной модели к специфике цифровых технологий.

Актуальная редакция Требований к документам заявки предусматривает необходимость описания вычислительно-логических операций, действий по обработке информации, действий по обучению моделей и других признаков, характерных для информационных технологий. Однако такие признаки используются как вспомогательные характеристики, позволяющие раскрыть работу программируемого средства. Они не образуют самостоятельного основания для признания решения техническим.

Проблема отсутствия критерия цифрового технического результата приводит к ряду дополнительных последствий. Во-первых, возникает неопределенность в части оценивания изобретательского уровня. Алгоритмические решения часто обладают высокой степенью новизны, однако их вклад в достижение результата трудно оценить в рамках действующей модели. Во-вторых, сохраняется риск, что признаки, связанные с обработкой данных, будут квалифицированы как относящиеся к объектам, не являющимся изобретениями.

Таким образом, недостаточность научного знания проявляется в отсутствии разработанной доктрины цифрового технического результата и в том, что существующие нормы не адаптированы к особенностям функционирования программных решений. Это препятствует созданию устойчивого механизма охраны алгоритмических технологий и формирует основу для возникновения противоречий на уровне правоприменения.

Анализ действующего законодательства, обновленных Требований к документам заявки и практики рассмотрения заявок в сфере информационных технологий позволяет выделить системное противоречие, которое сохраняется, несмотря на предпринятые шаги для его преодоления.

Первый аспект противоречия проявляется в том, что обновленные Требования допускают описание изобретений в сфере информационных технологий с использованием признаков, связанных с вычислительно-логическими операциями, обработкой данных и обучением моделей, однако не изменяют самого подхода к определению технического результата. В результате алгоритмический эффект (эффект от реализации алгоритма) продолжает оставаться вне сферы нормативного признания.

Под алгоритмическим эффектом подразумевается результат, который достигается исключительно вследствие выполнения последовательных логических операций (алгоритма) на программируемом средстве. Практической реализацией такого решения может выступать изменение параметров работы системы, в данном случае результат возникает не за счет

конструктивного изменения (модификации) аппаратной части устройства, а за счет действия в данном устройстве обновленного алгоритма.

Второй аспект связан с необходимостью материальной привязки алгоритма: несмотря на расширение перечня признаков, допускаемых для изобретений в сфере информационных технологий, алгоритм может быть признан техническим только в контексте работы устройства или способа, воздействующего на материальный объект. Это искусственно ограничивает сферу патентования и препятствует охране тех решений, которые действуют исключительно в цифровой среде. Программируемое средство формально позволяет расширить перечень допустимых конструкций, но, по сути, сохраняет материальную привязку и не позволяет отказаться от материально ориентированной модели технического решения, что является барьером для охраны самостоятельных программных решений, которые реализованы не на конкретном устройстве, а на их классе (например, в компьютере, смартфоне под управлением операционной системы Android).

Третий аспект противоречия связан с проектом Федерального закона от 21.05.2025 № 922784-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – проект Федерального закона), предлагающим включить в ГК РФ категории программируемого средства и программируемого устройства. Предполагалось, что их использование позволит снять необходимость прямой привязки алгоритмического решения к конкретному устройству. Однако новый понятийный аппарат не интегрирован в систему базовых категорий продукта и устройства. Это означает, что новый объект не может быть корректно включен в структуру изобретения или полезной модели. Заключение Правового управления Государственной Думы от 14.08.2025 № вн2.2-1/3216 указывает, что отсутствие согласования с положениями ст. 1358 ГК РФ приводит к невозможности однозначного определения способов использования нового объекта. Такая несогласованность препятствует

реализации целей законопроекта и создает риск неоднозначной правоприменительной практики.

Четвертый аспект противоречия связан с историческими основаниями отказов в выдаче патента: практика 2020–2024 гг. показывает, что большинство отказов было обусловлено тем, что алгоритмические признаки квалифицировались как относящиеся к объектам, не являющимся изобретениями, а технический результат признавался нетехническим [4, с. 90]. Изменения 2024–2025 гг. не затрагивают критерий технического результата, что означает сохранение прежних оснований для отказов. Следовательно, обновленные требования и предлагаемые изменения в ГК РФ не устраняют структурные проблемы, а лишь дополняют их новыми аспектами, которые сами по себе не изменяют основ правовой конструкции.

В итоге проблема заключается не в том, что реализация алгоритма опирается на аппаратные средства, поскольку вычислительная среда по своей природе материальна, а в том, что действующая законодательная модель требует формальной материальной привязки, не позволяя учитывать технический характер самого процесса реализации алгоритма и возникающего при этом результата. Такая привязка ориентирована на внешние признаки устройства, но не отражает техническое содержание цифрового решения, которое проявляется в процессе материального исполнения алгоритма [5–7]. Отсутствие согласованного понятийного аппарата и нормативного определения цифрового технического результата препятствует формированию устойчивой системы охраны изобретений в сфере информационных технологий. Под цифровым техническим результатом понимается объективное и воспроизводимое изменение программируемого (настраиваемого) многофункционального средства, возникающее в процессе исполнения в данном средстве алгоритма программы для ЭВМ и приводящее к появлению нового технического эффекта, направленного на решение технической проблемы посредством обработки сигналов и (или) данных. Цифровой технический результат имеет

материальную природу, поскольку возникает в процессе исполнения алгоритма и выражается в объективном изменении параметров работы программируемого средства. Однако существующее регулирование не содержит специальной нормы, позволяющей квалифицировать такой результат как технический, что приводит к методологической неопределенности и формальным основаниям для отказа при оценке патентоспособности.

Потребность в постановке научной проблемы обусловлена рядом объективных обстоятельств.

Первое обстоятельство заключается в том, что актуальная редакция Требований к документам заявки допускает описание решений, основанных на работе программируемых (настраиваемых) средств, однако не закрепляет, что технический результат может формироваться в процессе исполнения алгоритма в данном средстве. В отсутствие соответствующей нормативной конструкции такие признаки нередко оказываются вне традиционных подходов к определению технического результата, ориентированных на изменяемые параметры внешнего материального объекта.

Второе обстоятельство состоит в том, что проект федерального закона вводит категории программируемого средства и программируемого устройства, но не связывает их в достаточной мере с действующей системой объектов патентного права. Это затрудняет определение статуса признаков, характеризующих реализацию алгоритма, и сохраняет неопределенность как для заявителей, так и для экспертизы.

Третье обстоятельство касается сохранения прежних подходов к оценке изобретений в сфере информационных технологий. Поскольку нормативные изменения не затрагивают содержание критериев технического результата и изобретательского уровня, сохраняются основания полагать, что прежняя практика отказов в патентовании данных решений в значительной мере будет воспроизводиться.

Четвертое обстоятельство состоит в том, что информационные технологии развиваются с высокой скоростью. Появление новых классов цифровых систем делает неэффективным подход к регулированию, основанный на постоянном добавлении новых категорий в закон, поэтому требуемая модель правовой охраны должна носить универсальный и адаптивный характер.

Таким образом, научная проблема может быть сформулирована следующим образом: необходимо разработать такую модель патентной охраны алгоритмических и программных решений, которая обеспечит признание технического характера цифровых эффектов, создаваемых в вычислительной среде, а также позволит обеспечить правовую охрану будущим поколениям цифровых технологий, без необходимости постоянного изменения законодательства. Эта модель должна сочетать гибкость, концептуальную целостность и соответствие основам патентного права.

Разработка устойчивой модели охраны программных решений требует выстраивания нового подхода, который способен совместить системность правового регулирования и специфику современных информационных технологий. В основе такой модели должен находиться гибридный правовой режим, позволяющий рассматривать алгоритмические решения как элементы технического характера в той мере, в какой их реализация на программируемом средстве приводит к достижению объективного технического результата.

Первый элемент такой модели связан с уточнением нормативной конструкции технического результата. Применительно к цифровым решениям он может выражаться в объективном и воспроизводимом изменении параметров функционирования программируемого средства, возникающем в процессе исполнения алгоритма.

Второй элемент состоит в интеграции категорий программируемого средства и программируемого устройства в действующую систему объектов патентного права. Это позволило бы использовать их в рамках сложившейся

конструкции продукта и устройства без разрыва с общими положениями патентного законодательства.

Третий элемент заключается в признании алгоритма техническим признаком в тех случаях, когда его реализация обеспечивает достижение технического результата в вычислительной среде. Такой подход позволяет рассматривать алгоритмическую последовательность не как абстрактную математическую конструкцию, а как функциональный элемент технического решения.

Четвертый элемент предполагает адаптивность правовой модели. Охрана должна распространяться на новые классы цифровых и вычислительных систем в зависимости от характера их функционирования и создаваемого результата, а не только от наличия специально названной в законе категории.

Пятый элемент состоит в обеспечении предсказуемости правоприменения. Для этого требуется формирование методических рекомендаций, позволяющих объективно оценивать признаки алгоритмических решений при рассмотрении заявок на изобретение.

В совокупности указанные элементы формируют модель гибридного режима охраны, позволяющую эффективно охранять алгоритмические и цифровые решения, учитывать специфику функционирования программируемых средств и обеспечивать устойчивость системы в условиях технологической динамики.

### **Заключение**

Исследование показало, что изменения 2024 г., направленные на переработку требований к документам заявки в сфере информационных технологий, и предлагаемые поправки в часть четвертую ГК РФ, содержащие новые категории программируемого средства и программируемого устройства, не устраняют фундаментальные проблемы охраны программных решений. Обновленные требования расширяют перечень признаков, позволяющих описывать ИТ-изобретения, однако они не содержат критериев

цифрового технического результата и не отменяют необходимости указания материального средства в качестве признака к устройству или способу. Проект федерального закона, несмотря на новизну, не интегрирует новые понятия в систему объектов патентного права и сохраняет неопределенность в части их применения.

Обоснование научной проблемы показывает необходимость разработки гибридного правового режима, позволяющего признать технический характер результатов, создаваемых в вычислительной среде, интегрировать алгоритмы в систему признаков технического решения и обеспечить охрану цифровых технологий независимо от их материального воплощения. Такая модель создаст основу для устойчивого развития системы правовой охраны интеллектуальной собственности и позволит обеспечить охрану программных решений как современных, так и будущих поколений технологий.

### **Список источников**

1. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) [рус., англ.] (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 06.12.2005). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/231> (дата обращения: 03.03.2026).
2. Договор ВОИС по авторскому праву (принят Дипломатической конференцией в г. Женеве 20.12.1996). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails/12740> (дата обращения: 13.03.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 25.12.2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.
4. Приложение № 2 к Приказу Минэкономразвития России от 21.02.2023 № 107 (ред. от 27.09.2024) «О государственной регистрации изобретений» (вместе с Правилами составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений; Требованиями к документам заявки на выдачу патента на изобретение; Порядком проведения

информационного поиска...; Порядком публикации отчета об информационном поиске...). Зарегистрировано в Минюсте России 17.04.2023 № 73064. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/prikaz-minekonomrazvitiya-107-21022023> (дата обращения: 13.03.2026).

5. Греков А.В. Повышение надежности электронных регуляторов авиадвигателей на основе инновационных логических элементов / А.В. Греков, С.Ф. Тюрин // Вестник ПНИПУ. Электротехника, информационные технологии, системы управления. – 2018. № – 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-nadezhnosti-elektronnyh-regulyatorov-aviadvigateley-na-osnove-innovatsionnyh-logicheskikh-elementov> (дата обращения: 18.01.2026).

6. Чернояров В.А., Котенева О.Е. Патентная охрана программируемых электронных устройств и технологий / В.А. Чернояров, О.Е. Котенева // Радиоэлектронные технологии. – 2025. – № 1. – С. 85–90.

7. Гюльбасарова Е.В. Охрана цифровых решений механизмами патентного права / Е.В. Гюльбасарова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 4 (128). – С. 109–116.

### References

1. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS): Agreement concluded at Marrakesh on 15 April 1994 (as amended by the Protocol of 6 December 2005). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/231> (date of access: 03.03.2026) (in Russ.).

2. WIPO Copyright Treaty (Treaty adopted by the Diplomatic Conference at Geneva on 20 December 1996). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails/12740> (date of access: 13.03.2026) (in Russ.).

3. Civil Code of the Russian Federation (Part Four). No. 230-FZ of 18 December 2006: Federal Law (as amended on 23 July 2025). Adopted by the State Duma on 24 November 2006, approved by the Federation Council on 8 December 2006. Published in: Sobranie Zakonodatelstva RF, 25 December 2006. No. 52 (1 part), Art. 5496 (in Russ.).

4. Appendix No. 2. Requirements for the documents of an application for the grant of a patent for an invention: Appendix to the Order of the Ministry of Economic Development of Russia No. 107 of 21.02.2023 (as amended on 27.09.2024) “On State Registration of Inventions”. Registered by the Ministry of Justice of Russia on 17.04.2023. No. 73064 URL:

<https://rospatent.gov.ru/ru/documents/prikaz-minekonomrazvitiya-107-21022023>  
(date of access: 13.03.2026) (in Russ).

5. Grekov A.V., Tyurin S.F. Improving the reliability of electronic regulators of aircraft engines based on innovative logic elements. *Vestnik PNIPU. Elektrotehnika. informatsionnyye tekhnologii. sistemy upravleniya* = *Bulletin of PNRPU. Electrical engineering, information technology, control systems*. 2018. No. 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-nadezhnosti-elektronnyh-regulyatorov-aviadvigateley-na-osnove-innovatsionnyh-logicheskikh-elementov> (date of access: 18.01.2026) (in Russ).

6. Chernoyarov V.A., Koteneva O.E. Patent Protection of Programmable Electronic Devices and Technologies. *Radioelektronnye tekhnologii-2025* = *Radio-electronic technologies*. 2025. No. 1. Pp. 85–90 (in Russ).

7. Gulbasarova E.V. Protection of Digital Solutions by Patent Law Mechanisms. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* = *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL)*. 2025. No. 4 (128). Pp. 109–116 (in Russ).

Статья поступила 11.04.2026, принята к публикации: 21.05.2026.

© Чернойаров В.А., 2026